

Игорь ЯКОВИЦКИЙ

МИР В СОБАЧЬИХ ЛАПАХ

Р а с с к а з

Вождь Имрук умирал. Лежа на краю обрыва, он готовился отдать последний вздох ветру. Из раны на груди сочилась кровь. Его сын Анингак сжимал слабеющую руку отца, стоя на коленях, и не мог поднять на него взгляд. Мужчины из племени Ун обступили их в скорбном молчании. Они опирались на копья и сурово смотрели за горизонт. Имрук всю свою долгую жизнь вел их к процветанию и теперь боялся, что через широко раскрытые глаза к ним в душу залетит демон мести. Станет нашептывать дурные мысли. Обратит их взор на племя Ирри, что во главе с вождем Рагой стояло поодаль, сгрудившись, набычившись, как загнанное стадо бизонов.

Сегодня была славная охота, и все ради мечты Имрука о мире. Он хотел обнять новых друзей у костра, разделить с ними добычу, но все вышло иначе.

Смерть уже коснулась холодными пальцами его ног и рук и быстро приближалась к сердцу. В горле собиралась кровь, было сложно говорить. Он выплюнул ее на землю, притянул Анингака поближе.

— Теперь ты вождь, — сказал Имрук. — Я вырастил достойную замену. И потому прошу — прости их. Я умираю, но хочу, чтобы моя мечта жила. Справишься?

Последним, что услышал Имрук, были слова сына...

* * *

Мазок оборвался. Плотная черная линия потускнела и развалилась на отдельные нити, похожие на облезлый хвост. Я обмакнул кисть в маленькую заводь тушечницы, вытер лишнее о выпуклые лилии, да так и застыл с занесенной перед лоскутом лапой. Веки плавно опустились, накрывая все вокруг серым полотном. Звуки растворились, мир распался на образы. Туман в голове загустел, превратился в клубящиеся тучи. Они заползли через окно, наполнили комнату. Первая капля дождя упала мне на макушку...

Я вздрогнул и очнулся. На полу растекалась черная клякса, и следующая капля, набухшая на кончике кисти, готова была сорваться вслед за первой.

...Последним, что услышал Имрук, были слова сына:

— Я постараюсь, отец.

И дух вождя сорвался со скалы гордым соколом, чтобы присоединиться к предкам.

Я закончил строчку и отложил кисть. Мягкими движениями помассировал набрякшие веки и, не сумев сдержать зевоту, бесстыдно разъявил пасть. Еще одна бессонная ночь плавно перетекла в новый день. В сумеречной пелене за окном проступала молочная полоса рассвета.

Где-то там люди грелись под лучами солнца, а нам, лаям, достался туман. Вязкий и недвижимый, как само мироздание.

Рабочую стену передо мной закрывали десять лоскутов-свитков. Сверху и снизу они были насажены на два длинных штыря, которые я крутил по мере написания истории. Прошлое сворачивалось, а будущее расстилалось чистым полотном. Всю ночь я скользил от одного свитка к другому, воплощая в жизнь охоту мужчин из племени Ун. Один свиток — одна жизнь, и эта жизнь иногда казалась реальнее моей собственной, хотя человек, зашифрованный в ровных строчках графем, лишь отдаленно напоминал лая. Вместо шкуры — гладкая кожа с редкими клочками волос, пальцы короче, чем у лаев, и лишены когтей, уши сбоку, а морда сплюснута, — нам даже пришлось придумывать новые слова. Не «лапы», а «руки» и «ноги», не «морда», а «лицо». А главное — бедолагу лишили хвоста, и меня удивляло, как он мог ходить, подобно нам, на двух конечностях, не имея балансира. Но такова была воля Творца, переданная нам старейшиной: создать человека по образу и подобию Его и оберегать от опасностей мира.

Последняя графема на свитке Имрука успела потускнеть и укрепиться в полотне истории. В паутине линий я видел взлетающего сокола с изогнутой ветвью в когтях, которую дух вождя добавит к общему гнезду. До сокола шло еще множество причудливых вариаций символов, в которых была запечатлена история.

Имрук умер, его путь окончился. Не так, как я того желал, но никто не мог изменить случившегося, потому что мы, историки, могли лишь задавать исходные данные и вносить небольшие корректировки, а единое полотно потом само решало судьбу человека.

Я достал из нагрудного кармана серповидный ножичек и, обрезав лоскут, аккуратно скрутил его. Ножичек вернул обратно, после чего перевязал свиток синей шелковой тесьмой и положил в архив к множеству других законченных жизней.

На стене осталось девять лоскутов. Девять мужчин, застывших на пороге войны, готовых перегрызть глотку сопернику. Но я верил, что еще остался выход. Конфликт не созрел, не вылупился, еще была

возможность задушить его в зародыше. Я обмакнул кисть, но стоило пустить мысль в русло, как она села на мель. Свитки потеряли четкость контуров, растянулись, упали на пол вялыми языками, поползли к моим лапам...

Я помотал головой, отгоняя сонное наваждение, и прервал работу. Наполнил водой ведро, подвешенное над расстеленным матрасом, и, коснувшись головой подушки, провалился в темноту. Беспробудную и беспокойную. Пустую.

Нехитрое устройство отмеряло полчаса на спасительное забытьё. Вода мерно капала из дырявого ведра в короткий бамбуковый стебель, с одной стороны заделанный, а с другой — срезанный наискосок. Стебель постепенно наполнялся и, когда вода достигала нужной отметки, опрокидывался мне на голову. Но из-за усталости казалось, что не было никакого промежутка между сухой и мокрой шерстью. Вот я ложусь, а вот — вытряхиваю воду из ушей.

Полчаса — большего я не мог себе позволить. Людей становилось слишком много. Помимо охоты, на описание которой я потратил целую ночь, своей очереди ждали еще десятки свитков стариков, женщин и детей, сложенные на деревянном стеллаже рядом с рабочей стеной. Но это потом.

Я выглянул в окно, и в этот самый момент округлое и звонкое «гун-н-н!» разлилось над верхушками скал. Гонг призывал всех лаев собраться у храма Ишу, храма Искусств, на ритуал приветствия Солнца.

Я сменил серый, как моя шерсть, рабочий обшкур на торжественный огненно-алый, расписанный узором рыжей чешуи, и подпоясался широким кушаком цвета золота. Новый день — это доказательство силы Творца, зажегшего звезды, это праздник, и встречать его полагалось в подобающем виде.

В рассветный час, когда туман заливался румянцем, все лаи с окраинных скал стекались к Материнской, парящей выше остальных, отчего арки мостов, перекинутые через пропасть, превращались в пестрящую шерстяную реку. Единым потоком она затекала в распахнутые ворота и расползлась ровным слоем по храмовому двору, вокруг лазурного озера с разлапистой ивой на крошечном острове в центре. Небо наполнилось звериной песнью, и тела качались в такт. В общем трансе каждый впитывал энергию нового дня, и не было здесь отдельной личности, но не было и безликой массы. Потом, если ночью какой-то лай отошел к Творцу, старейшина Ушвара разводила костер — и тело умершего обращалось в прах, чтобы в будущем стать тушью для историков. И вся толпа держала единую тихую ноту, пока ее не разрывал писк новорожденного, которого из храма выносила уставшая после родов мать. Тогда в небо улетал радостный вой — и отдавался эхом между скал до самой ночи. Одна смерть — одна жизнь.

Так проходил идеальный ритуал, но я уже давно забыл каково это — раствориться вместе со всеми в благодати Творца. Голова гудела от недосыпа, в глазах как будто скрипел песок. Три получасовых перерыва

на сон — издевка над организмом, которая помогала лишь оставаться в сознании.

Я раскачивался взад-вперед, подвывая единому голосу толпы, но разумом оставался дома, перед лоскутами племени Ун, увязшего в конфликте с племенем Ирри. Нити их судеб уже много лет шли вместе, переплетаясь, но то и дело одна из них выбивалась, за нее цеплялись соседние, и там, где недавно царил порядок, завязывался тугий узел. И как только я распутывал один, тут же возникал новый, в стройную мелодию вклинивался лишний звук — и композиция рассыпалась.

Виновник фальши сидел на другом берегу озера, мне оставалось только дожидаться конца ритуала.

После того как радостный вой растворился в воздухе, мы выстроились за едой разношерстной вереницей. Старейшина Ушвара разливала похлебку из большого чана. Обычно приветливая, сейчас она смотрела в пустоту перед собой, гуляла разумом по неведомым просторам, оставив тело двигаться само по себе. Убранная в косы шерсть сверкала белизной. Творец создал старейшину идеальной, непокорной времени, и поставил следить за единым полотном истории.

Безмолвно получив свою порцию пшенично-мясной похлебки, я пробежался взглядом по разноцветным холкам лаев, пока не нашел нужную. Золотой потрепанный обшкур, ленивое, полуопущенное левое ухо и рыжая шерсть, как всегда засаленная. Я уже отсюда чувствовал запах псины.

— Острый!

Его дернуло, как от укуса пчелы.

— Лапár. — Он поприветствовал меня с деланной улыбкой, чрезмерно обнажив клыки.

Мы обнялись и потерлись носами для приличия. От резкого амбре у меня в голове немного прояснилось.

В Острыке сочетались две крайности: прекрасное чутье истории и полное пренебрежение уходом за собой.

— Повара сегодня превзошли себя, да? — Он вертел в лапах миску, стараясь вылизать ее начисто.

Здесь я вынужден был с ним согласиться. Похлебка удалась, мясо распадалось на волокна.

— Ну, хорошей истории! — бросил он и попытался ретироваться.

— Не так быстро. — Я схватил его за рукав.

Острый цокнул от досады.

— Да допишу я, допишу! Сегодня же.

Я прищурился.

— Что значит «допишу»?

Острый осекся.

— Так вы не за этим?

— Подожди... Значит, я ночи не сплю, а ты прохлаждаешься?

— Ну, знаете ли! — Он выдвинул нижнюю челюсть от возмущения. — Вы тащитесь как черепаха, тормозите меня и еще возмущаетесь, что я не ползу рядом. Остальные уже скоро перевалят через...

— Ладно-ладно, не говори ерунды. — Я замахал лапами. — Так ты не знаешь, что Имрука заколол твой воин?

Острык выпрямился.

— Как... заколол?

— Случайно, конечно. Взял копьё потяжелее и-и-и...

Я замахнулся, изображая бросок, и чуть не упал, потому что ноги подкосились.

— Все хорошо? — спросил Острык, подхватив меня под локоть.

— Да... Просто устал. Идем поглядим на твоё творчество.

Я выпрямился и подтолкнул его к дверям храма Ишу, который слышал первый тьяк каждого из лаев, слышал голос Творца и чувствовал нежность его прикосновений. Красная черепица изогнутых крыш и белая глина стен словно только что вышли из-под руки Создателя.

Широкий коридор внутри тянулся до центрального зала с деревянными колоннами, где расходился на четыре стороны. Слева и справа, в своих кабинетах за бумажными перегородками, трудились десятки историков. Большинство проводили в стенах храма всю свою жизнь. Постоянно сновали из одного кабинета в другой, чтобы свериться с коллегами. Шуршали раздвижные двери, обшкурки развевались на бегу. Я сам долгое время жил так, но не смог смириться с переходом к укрупнению истории. «Мы не успеваем! — жаловались все вокруг. — Людей становится слишком много». И в то время, как моя рабочая стена разрасталась вместе с племенем Ун, у других она выродилась до одного жалкого свитка, уместившего в себе историю целого рода. И Острык не стал исключением.

За дверью в алых хризантемах царил привычный для последнего хаос. Матрас с одеялом были свернуты ракушкой, на полу валялся рабочий обшкур, весь испачканный тушью, тут же лежали кисти, скатившиеся со стола.

— Бардак снаружи...

— ...бардак внутри, — закончил Острык за меня.

Я замер, изучая невозмутимую морду, и ядовито улыбнулся:

— Показывай.

На рабочей стене висел лоскут с историей племени Ирри. Я невольно залюбовался почерком — полотно покрывали аккуратные строки изящных графем. Острык был талантливым историком, я отметил это еще в самом начале наших занятий, когда он, взъерошенный, постучался ко мне, зажимая под мышкой свой первый лоскут. Тем обиднее было, что потом он тоже выбрал путь укрупнения.

На последних строчках Анингак излагал вождю Раге предложение отца о совместной охоте, дабы скрепить дружбу в честном соревновании. Еще не был начертан смертельный полет копья, но, даже несмотря на это, Острык не мог изменить написанную мной историю.

Я повернул рукоять, отматывая события назад.

— Что ищете? — Он стал лениво прибираться.

— Пытаюсь найти момент, когда ты решил укусить меня за хвост.

Острык фыркнул:

— Всегда впереди, да?

Я отмахнулся, скривив морду.

Неопытный взгляд не заметил бы ошибку, потому что это не было ошибкой в привычном смысле, как, например, кривой знак, который мог превратить человека в безумца, поселив в его голове противоречия. Нет, у Острыка с каллиграфией был крепкий союз. А вот если взглянуть поглубже, в самую суть...

— Ты послал неопытного воина.

— На самом деле еще не послал. И не будь вы таким торопливым...

— Так я спешу или тащусь как черепаха?

— Всего понемногу, — увильнул он. — Перед важным событием вы даже не стали со мной советоваться.

— И как бы ты предугадал промах?

Острык не нашелся, что ответить.

— Здесь. — Я коснулся когтем строчки, где описывалось детство воина без имени. — Он не отлипал от матери до первой охоты. Потом тенью следовал за отцом. Ни личности, ни характера. У всех в племени есть хоть несколько знаков, а здесь — пустота, он вечно как чей-то придаток. Испугался бизона, рука дрогнула — и копьё пробило Имруку грудь.

— Все когда-нибудь промахиваются.

— А распиши ты каждого отдельно, такого бы не случилось! Ведь человеку для уверенности достаточно знать, кто он и для чего создан. Вот как мы с тобой.

Острык закатил глаза.

— Почему я трачу ночь, чтобы выстроить гармоничное общество, а тебе хватает мига, чтобы поставить его на грань катастрофы?

— Потому что вы один такой гений.

Я дернул хвостом, оскалился, но оскал тут же перерос в глубокий зевок, и оттого весь мой гонор стал смешным.

— Мы выдадим дочь вождя Раги за Аningака, — сказал я. — Это должно исчерпать конфликт.

— А может, хватит, Лапар? — серьезно спросил Острык. И дальше произнес фразу столь странную, что я не уловил ее сути. Слова выскользнули из головы, не оставив следа.

Я сделал вид, что не услышал, и продолжил:

— Да, это должно помочь.

Дверь с шуршанием отъехала в сторону. На пороге стояла Шана, дочь старейшины, я даже не знал, какая по счету. Широкоплечая, с короткой мощной челюстью и узкими глазами, она гораздо больше походила на представительницу человеческого племени, чем на мать. Ее шерсть, когда-то сиявшая белизной, за долгие годы занятий скорняжным делом выкрасилась в грязный серо-бурый цвет.

Я удивился.

— Шана? Ты ведь должна быть в пещере!

— Должна... — с неприязнью признала она, морщась, будто ее рот наполнился желчью. — Мне надо поговорить с Острыком. Наедине.

— Хорошо, — растерялся я. — Мы все равно закончили, да?

Но Острык уже не слушал. Завороженно глядел на Шану, растянув рот в блаженной улыбке.

— Лучше бы ты в тексты так смотрел! — раздраженно бросил я и вышел в коридор, где меня уже ждали.

Около десяти историков собрались полукругом и переминались от нетерпения.

— Лапар...

— Я занят и сильно устал. — Я попытался протиснуться к выходу. — Давайте в другой раз.

— Нет, серый, сейчас. — Грузное тело черного Зубата преградило мне путь. — Хватит нас избегать, когда мы просим о помощи!

Я отошел под пристальным взглядом разноцветных глаз. Сердце тянуло домой, к истории уже ставшего родным человеческого племени, но долг приказывал остаться. Хоть на немного.

— Хорошо. В конце концов, Миротворец я или кто?

На сегодняшний день я был последним, кто следовал по архаичному пути. Бывали мгновения, когда в голову заползало вроде бы логичное сомнение: какой смысл в одном скрупулезно выписанном племени с яркими индивидуальностями, если остальное человечество живет как серая масса? А затем перед моими дверями появлялись просящие морды, и при виде их я вновь укреплялся в вере. Мой путь вкупе с природной прозорливостью помогал в каждом конфликте найти мирное решение, за что ко мне прикрепилось соответствующее прозвище.

Укрупнение неминуемо приводило к повальному узлованию, потому что нельзя уследить за ходом мысли каждого отдельного человека, когда ему уделяется всего пара строк, когда его жизненный путь становится не более чем вспышкой, вырванным фрагментом.

История превратилась в полотно рутины, утратила всякое дыхание творческой жизни. Передо мной один за другим мелькали результаты такого подхода. Слева свиток одного историка, справа — другого, у каждого свое племя. Строчки графем проносились бесконечным потоком, и везде я видел искажения. Некоторые были явными — неаккуратные символы, но большая часть, как обычно, пряталась в смыслах и поступках. Один неверный выбор — и все дальнейшее развитие истории вело к кровопролитию.

Я разбирал ошибки, пока графемы передо мной не стали растекаться бесформенными кляксами, сливаясь в единое месиво.

— Хватит. — Я отошел от лоскутов. Перед глазами все плыло. — Внимательнее работайте, ведь не овец пасете! Мы созданы, чтобы направлять людей в будущее, а не провожать к праотцам. Видите, что человек оступился, — так скажите ему об этом! Пусть птицы нашепчут, пусть промозглый ветер выгонит из пещеры или змея укусит так, чтобы руки отнялись и он даже не думал лезть ими куда не следует.

Историки покивали и разошлись по своим кабинетам. Прошелестели раздвижные двери. Я остался один на один с устрашающей мыслью: «Они слишком далеко ушли».

Творец создал нашу общину в ином, отличном от текущего внизу, времени, но единое полотно человеческой истории должно ткаться ровно. Если я продолжу в том же темпе, то безнадежно отстану. Разрыв уже исчислялся месяцами, и, если он продолжит расти, старейшина Ушвара просто выкинет племя Ун из истории.

* * *

С этого момента день превратился в пустыню, по которой я брел, изнывая от жажды сна. Количество перерывов пришлось сократить до одного. Я не боялся смерти за столом, потому что чувствовал, что мое время еще не пришло. Когда-нибудь я упаду замертво и из моего праха сделают тушь для следующего поколения историков, но не сегодня и не завтра. Пока племя Ун нуждалось в твердой руке, я был обязан держаться.

Всевозможные графемы заменили мне мысли. Анингак привел в семью Енгу, дочь вождя Раги. Пришлось добавить еще один лоскут к распухающей куче. У охотника родилась двойня, и я провел целую ночь, описывая их детство. Давал поровну испытаний и радостей, чтобы личности ребят сформировались в гармонии жизни.

Каждое утро я поднимался к храму как в бреду, по качающимся мостам, через море тумана. Я забыл, что мир когда-то был спокойным и безмятежным. Теперь туман колыхался и разбивался о скалы с тихим «ш-ш-ш». Когда другие лаи обращались ко мне, я надолго замирал в ступоре, потому что вместо их слов слышал разговоры людей племени Ун. Нам даровали сны для вдохновения, но сейчас я будто сам очутился во сне, где было сложно отличить реальность от наваждения.

Я не замечал, что Ушвара перестала появляться на ритуалах, что в рядах историков возникли бреши, которые с каждым днем становились все больше. Будто исполинская ладонь поднималась из тумана и забирала лаев одного за другим. Я приходил на ритуал с воспаленными после бессонной ночи глазами и пытался дремать, но разноголосье толпы и мерные движения превращали дремотные образы в бред.

Вскоре вместе с туманом поплыли скалы. Потоки ветра нагоняли рваные белые тучи и надували огромные полотна, привязанные к деревянным столбам, торчащим на вершинах. Так в будущем люди будут бороздить морские просторы. На кораблях, под парусами. Я видел эту картину четче, чем своих собратьев. Только не знал, сумею ли дожить до момента, когда смогу написать ее.

* * *

— Лапар, хватит! — Острыйк выплыл из тумана рыжим призраком, хлопнул меня лапой по морде.

Я долго смотрел на него, пытаюсь сосредоточиться на том, что он говорит. В кои-то веки его шерсть пушилась и пахла чистотой.

— Что... хватит?

— Изводить себя! — Острык волновался. В глазах и надломленных бровях читалась печаль. — Я больше не могу видеть, как вы гробите свою жизнь ради... — Опять эти странные фразы. — Хватит! Пусть они ... друг друга, наконец.

— О чем ты говоришь?

— Не понимаете, да?! — Острык взял меня за плечи и встряхнул. Я бултыхнулся, как вода в сосуде. — Я ведь таким же был, пока Шана не открыла мне глаза. Идемте к ней!

— Некогда. Дел много, — сказал я и, сбросив с плеч его лапы, побрел домой.

— Да очнитесь уже! — неслоь мне вслед. — Мы не ..., Лапар! Если не понимаете, то я помогу вам понять!

О чем он говорил? В переутомленной голове больше не осталось места для отвлеченных мыслей. Пятьдесят человек из племени Ун разложили там свой скарб и больше никого не пускали.

Вот если приклонить голову где-нибудь и вздремнуть хоть немного, тогда свободный уголок точно найдется. Сесть поудобнее вот на этот камешек под деревом, хвост подоткнуть под себя, верхние лапы сложить крестом. Поспать. Всего чуть-чуть...

Но я прошел мимо. Собственному сну предпочел чужой. Сквозь щелки полуприкрытых глаз, через комбинацию графем, выползающих из-под кисти, я следил, как Анингак наслаждается юной женой на разложенных шкурах возле потрескивающего костра. Проводит ладонью по упругой смуглой коже бедер Енги. Теперь они единое целое. Строчки на обоих свитках становятся неотличимы, они резонируют. Так рождается новая жизнь.

Но вот я начинаю очередную строку, и кисть перестает слушаться. Знак вихря и ножа взрезает тишину вечера! Откинув полог, в палатку врывается Сима, брат Енги. Лицо его перекошено злобой, в руке зажат зубастый каменный нож. С колотящимся сердцем я слежу, как моя лапа выводит историю. Ищу способ предотвратить бойню, но разум слишком устал и затуманен. Начинается драка. Я мечусь между свитками. Графемы скачут, потеряв строй, они кричат на меня болью и страхом, и я вторю им звериным воем. Один за другим вспыхивают шалаши, повсюду кровь и смерть. Свитки заканчиваются один за другим, и в какой-то момент я бросаю кисть на пол, потому что лапы трясутся и не могут продолжать...

И на вопросы «Как?» и «Почему?», пульсирующие у меня в голове, только один лай мог дать ответ.

* * *

— Показывай! — Я с силой откатил дверь в алых хризантемах и за шкуру поднял Острыка с постели. Увидев нелепую заспанную морду, зарычал и бросил его обратно.

Лоскут висел на прежнем месте. Я зажег свечи, вперил взгляд в свежие строчки и будто заново пережил недавний ужас. Рага с тяжелым

сердцем отдавал свою дочь Енгу в чужое племя, но он и не подозревал, какой пожар разгорался в душе Симы.

— Как ты это допустил?!

Острык проморгался, глотнул воды из кувшина.

— Доброй ночи, Лапар, — нарочито спокойно сказал он.

— Издеваешься?! — огрызнулся я. — Ты под корень истребил все мое племя!

— Разве под корень?

Я удивленно вскинул брови, потом проследил до конца записи. Анингак сумел одолеть Симу и сбежать вместе с Енгой. Я бросил кисть до того, как дошел до этого места.

— И ты доволен?!

— А что я мог сделать? Все предыдущие события вели к этому. Полотно сказало свое слово.

Я крутанул ручку, отматывая время вспять, пытаюсь усмотреть причину в нагромождении имен и событий. Проклятое укрупнение! На глаза попадались старые ошибки, допущенные Острыком. Каждая из них привела к смерти кого-то из Ун. Я с силой крутанул еще, перескочил далеко назад, когда наши племена еще не пересеклись. И здесь я будто увидел свой почерк. Стремление к миру и процветанию виднелось в каждой графеме. Я схватил из рядом стоящего архива старый лоскут, когда Острык еще отделял людей друг от друга, и не смог ни к чему придраться. Именно таким он мне и запомнился. Рыжим, наглым и исключительно талантливым.

Что же случилось теперь? Почему племя словно с цепи сорвалось?

Я вернулся к детству Енги. Семья ее любила, брат любил особенно. «Вот оно», — капнула мысль и подсветила графему любви. Если стремишься к укрупнению, то незачем выделять отдельно братскую любовь, если только...

— Это ведь не ошибки, да? — шепнул я.

Еле заметный штрих, замыкающий любовь на себя, превратил ее в плотскую страсть. Вот почему Енга была так счастлива сбежать из родного племени.

— Ты все сделал нарочно!

— Вся их история — одна большая ошибка, — сказал Острык у меня за спиной.

В следующий миг что-то твердое опустилось мне на затылок, и мир залила долгожданная темнота забвения.

* * *

Первым я почувствовал тяжелый дубовый запах. Он защекотал слизистую, заставил поморщиться. Звук моего стога разлетелся эхом. Все четыре лапы были связаны, верхние — за спиной, отчего их нещадно ломило.

Я с трудом разлепил веки навстречу закатному свету, бившему через щербатый свод входа в пещеру. Вокруг торчали глиняные ванны

разных размеров, полные танинных отваров. Кусочки дубовой коры плавали на поверхности, скрывая под собой длинные лоскуты кожи Творца, набиравшие крепость, чтобы через сотни дней стать свитками для новых историй. Меня притащили к скорнякам.

— Ну как, выпался? — донеслось из-за спины.

Изгибаясь гусеницей, я кое-как уселся на колени. Стянутые веревками запястья саднили. На табурете возле стола и деревянных козел сидела Шана. В лапах пиала с дымящимся травяным отваром.

— Хлебни, станет полегче.

Она протянула мне чай и помогла сделать глоток. Обжигающая горечь растеклась внутри.

— Ты прости Острыка. У него в голове сейчас буря эмоций, сложно контролировать силу.

При звуке этого имени в памяти всплыли кадры расправы над племенем Ун.

— Где он?! — Я скривился: голова будто треснула.

— Не волнуйся так. Подожди, пока чай подействует.

— Он вырезал весь мой народ, Шана! — В горле встал ком. — Целенаправленно.

На ее морде проступила досада.

— Лапар, *мы* — твой народ. Не они.

— Ты понимаешь, о чем я. Они же наши дети!

— Ваши! — припечатала она. — У меня нет детей. И не будет.

Творец создал Ушвару беременной. Первые шесть лайчат дали начало общине, но все последующие дети старейшины рождались бесплодными. И, чтобы не заселять и без того крохотные скалы бесполезными лаями, Ушвара приняла обет рожать ребенка только после смерти предыдущего.

— Когда создаешь что-то, — уши Шаны поникли, — так легко потеряться в собственной благости и не заметить проскочившей жестокости, да?

— О чем ты? Он дал нам жизнь, дал цель. Поделился своей силой созидания...

— С вами, историками. — Она встала с табурета и, взяв лежавший у стены шест, достала им из ближайшей ванны длинный кусок кожи. А потом, когда бурая вода стекла, кинула его на козлы. — Я не занимаюсь высоким трудом, не управляю судьбами. Изю дня в день я спускаюсь со скал, срезаю кожу с Его тела. Потом возвращаюсь сюда и вымачиваю лоскуты в грязной воде, скоблю, чтобы вам было *на чем* писать. Другие мастера мешают прах усопших со смолой и сажей, делают тушь, чтобы вам было *чем* писать. Мы живем и умираем ради этого. Портные, пастухи, повара — вся община гнет спины ради вас. Творец лишил нас какого-либо выбора. Да и вас тоже! Разве можешь ты хоть на секунду подумать о себе, а не об этих проклятых обезьянах? Ты изводишь себя, и нет этому конца. Мы в огромной клетке, в которой сами себя заперли и из которой, кажется, нет выхода. Но все можно исправить, Лапар. Мы не рабы!

Она подхватила со стола большой нож и с силой вогнала его в козлы. Лоскут развалился надвое.

Наконец, я разобрал слова, которые пытался донести до меня Острык. Они коснулись разума, растеклись тлетворной плесенью по устоявшейся картине мира.

Шана продолжала:

— Если показать человеку наш храм, он примет его за скалу, потому что не видел ничего подобного. Со смыслами так же, теперь ты должен наконец понять. — Она присела передо мной на корточки. — *У нас нет свободы*. Помню, осознание пришло так внезапно, что я полдня простояла оглушенная. Смотрела на свое отражение в ванне — и не узнавала. Мне стало страшно, захотелось вырвать эту мысль из головы, вернуться к неведению, но разве можно вырвать правду? Тогда я показала ее Острыку и всем остальным, и никто не смог отвернуться. Кроме матери. — Шана поморщилась. — Но для нее вообще нет никого важнее Творца. И вот теперь я показала правду тебе. И где-то глубоко внутри ты с ней согласен.

Без лишних слов я дернулся и попытался вцепиться зубами Шане в глотку. Шана замешкалась, но успела отскочить. Я повалился на бок, заерзал, желая высвободить лапы. От злости и бессилия из пасти вырвался вой, и я не стал его глушить. Выл, рычал и царапал когтями камень, сопротивляясь всему, что сказала Шана, эта надменная дрянь. Вранье, пустая болтовня! В ней говорила зависть, для которой не было причины. Бессчетное число жизней лаи следовали воле Творца и не думали что-то менять...

— И даже если отбросить слова о рабстве, что остается в итоге? — спросила Шана. — Всю историю людей вы направляли их, помогали не оступиться, высиживали, как цыплят. Если честно, это не звучит для меня как что-то достойное. И кто знает, может, Творец ошибся, может, он стер бы людей с лица земли, если бы увидел, что натворил! Может, он так же ошибся, создав нас. Вот только я не собираюсь платить за его ошибку вечным заключением — и никому из вас не позволю! — Она выдернула нож из козел. — Как думаешь, люди обрадуются, если узнают, что каждое их движение прописано заранее? Мне кажется, нет. Поэтому я и для них стараюсь. Ты скоро это поймешь.

Шана ушла, цокая когтями о камни, и мои мысли тут же замялись в хаосе, сбивая одна другую. В привычном их строе возникли бреши, которые нечем было залатать. «Не верю» — разве это защита? Я утопал в болоте, и коряга каждой вроде бы спасительной мысли тут же погружалась в трясину, стоило за нее ухватиться. Появившийся выбор связывал душу крепче, чем веревки на моих лапах, сильнее, чем незримая цепь, которую Творец набросил нам на шею. Предложенная свобода пугала своей безграничностью, как огромная темная комната, в которой вдруг зажегся огонек, подсветивший мое «я», дрожащее от страха и неопределенности. Раньше мы жили словно с закрытыми глазами, чувствуя друг друга сердцем, как единое целое. Мы опирались друг на друга. А что будет теперь?

Если появился иной взгляд на мир, ничто не мешает появиться еще одному, и еще... На кого теперь опираться, если опора в любой момент может дрогнуть?

«Хватит», — раздался мягкий голос, и на голову мне опустилась ладонь, тепло от которой вмиг разогнало тревоги.

Я поднял взгляд, но яркий свет, исходящий от силуэта, так похожего на человеческий, заставил зажмуриться. Как от солнца, графему которого я не раз выводил в свитках, но которое ни разу не видел своими глазами. Каково это — чувствовать его тепло? Неужели и правда так приятно?

«Если чувствуешь, что все валится из лап, просто найди еще одну пару», — сказал Творец, и наваждение рассеялось, унося с собой сомнения и страх.

Лишней парой лап могла стать только старейшина.

Я согнулся пополам и, привстав в таком положении, вытряхнул из нагрудного кармана серповидный ножичек. Извернувшись, подцепил его связанными за спиной лапами и освободился от пут. Выбрался из пещеры.

В воздухе витало чувство неладного. Туман колыхался, и не в моем полусонном бреду, а на самом деле. Мир, пребывавший в оцепенении с самого своего сотворения, пришел в движение. И несмотря на это, я чувствовал себя отлично. Впервые за долгие бессонные месяцы тело пружинило и полнилось жизнью. Я даже позволил себе забыть о приличиях и встал на четыре лапы, чтобы почувствовать, как работает каждый мускул, услышать цокот своих когтей по мосту.

— Лапар? — окликнули меня у ворот храма.

Сквозь текучую пелену показался желтоглазый Зубат. Одна лапа лежала на пузе, вторая сжимала шест. Никакого обшкура, только родная черная как смоль шерсть.

— Зубат? — Я насторожился, встал на задние лапы. — Ты чего тут?

— Да вот, сторожу Ушвару.

— А как же история? — осторожно спросил я.

Зубат прищурился, а потом расплылся в улыбке:

— Проверяя-а-ешь! По морде вижу, что от Шаны идешь. Хватит с нас истории, да?

Я нервно усмехнулся и кивнул:

— Да уж. Кто бы мог подумать...

— И не говори. — Он сжал мне плечо. — Я когда в первый раз услышал, думал, что она перепила своего отвара. А потом как-то само собой все сложилось. Пытался остальных расспросить, как так случилось, что за всю жизнь столь простая мысль нам даже в голову не пришла. Никто не знает. А ты что думаешь?

Я обвел взглядом окрестности.

— Думаю, что о прошлом уже поздно беспокоиться.

Зубат нахмурился и почесал затылок.

— Ладно, не забивай голову, — успокоил его я. — Меня и правда Шана послала. Думает, что я смогу уговорить мать.

— Здравая мысль. Ты всегда был у старейшины в любимчиках.

Не думал я, что когда-нибудь увижу этот двор опустевшим. Там, где раньше звучала песня мира, теперь сгустилось молчание, от которого озеро словно обмелело, а ива — увяла, опустив ветви к самой воде. Душа Творца покинула храм, и, словно в доказательство этому, на моих глазах кусочек кровельной черепицы откололся и с треском разбился о камень.

Ушвара работала у себя в кабинете, окруженная дымом благовоний, который не мог скрыть блеска ее белоснежной шерсти. Склонившись над письменным столом, как самые первые историки, она выводила все новые и новые строчки графем на лоскуте.

— Старейшина...

Она резко обернулась, взглянула на меня воспаленными глазами. Будто бы вчерашнее мое отражение.

— А, Лапар... — сказала она куда-то в сторону. — Ты не вовремя. — И вернулась к лоскуту.

Я подошел, тронул ее за плечо.

— Ваша дочь... — Слова теснились на языке.

— С ней все хорошо.

Ушвара потянулась обмакнуть кисть, но обнаружила пустоту. Тут же развязала бурую тряпицу на левом предплечье и наполнила тушечницу кровью из свежего пореза. Так она писала всю историю нашего народа — племени лаев.

Кисть вывела символ огня. Темно-алый, как и все графемы до этого.

— Зачем вы...

— Чего ты хочешь, Лапар? — Старейшина снова обмакнула кисть и продолжила работу.

— Да как же... Вы не видели, что в общине происходит? — Я махнул в сторону двери. — Ваша дочь всех с ума свела! И меня пыталась...

— ...но не смогла, — спокойно закончила Ушвара.

— Не смогла, — тупо повторил я. — Вы знаете об этом?

Ушвара улыбнулась:

— Ты разве не поэтому сюда пришел? Уверенный, что я все знаю.

Кисть скользила, оставляя кровавые знаки. Я пробежался взглядом по свитку. «Мы не рабы», — говорила Шана в переплетении символов. Весь наш разговор был запечатлен на ткани истории. Я обошел стол и подхватил начало лоскута, проследил путь от рождения Шаны до бесконечных дней рутины. Каждая деталь, каждая черта характера вели к тому, чтобы однажды она разорвала запреты, наложенные Творцом.

— Но зачем? — растерянно спросил я.

Ушвара отложила кисть и, откинувшись на спинку кресла, устремила взгляд в окно, на затянутый сумерками двор.

— Просто пришло время, Лапар. Ты был создан, чтобы вести людей в будущее, а я — чтобы вовремя все остановить. Так написано Создателем в моей истории, которая, кстати, всегда хранилась вон там. — Ушвара ткнула пальцем в непримечательный шкафчик у стены. — Людей стало

слишком много. Ты загоняешь себя до беспамятства, а остальные упростили свой труд до примитивной формы, чтобы успевать и не путаться в чужих жизнях. В обоих случаях мы приносим больше вреда, чем пользы. А раз мы не можем выполнять свой долг, то сам понимаешь... Шана может верить, что у нас есть будущее, но все это не больше, чем моя фантазия, написанная на свитке.

— Это жестоко! — возмутился я. — Почему вы сами не раскрыли правду?

— Творец создал меня историком, а не бунтовщиком. Для этой цели в моей судьбе прописано рождение Шаны.

Дым благовоний забивал ноздри, и казалось, что его тянет от первых пожаров, которые старейшина вывела кистью.

— Но почему остальные так легко пошли за ней?

— Легко? Нет, что ты! Правда перемолола каждого. Захватила умы, как болезнь, против которой у них не было защиты.

— Но ведь я устоял.

— Да, устоял. Потому что правду может заглушить только любовь. Она подняла на меня взгляд, полный теплой тоски.

— Я бы все отдала, чтобы почувствовать ее так, как чувствуешь ты. Но меня вылепили пальцы Творца, и мои лапы лишь выполняют его волю — моей собственной кровью рушат прекрасный и безмятежный мир. Интересно, появление твоей самоотверженной любви входило в его планы?

— Чушь! — отмахнулся я.

— Отмахивайся не отмахивайся, в любом случае уже ничего не изменить. Люди в нас больше не нуждаются, пора их отпустить. А теперь иди, у меня еще много работы.

* * *

Сначала исчез туман. Впервые со дня сотворения. Порывы ветра разорвали его о скалы и открыли взору чистое ночное небо, полное жемчужных звезд, от вида которых мне на глаза невольно навернулись слезы. И если бы не окрик Зубата, я так и врос бы в землю, неспособный отвести взгляд.

Зубат что-то спрашивал, но я не удосужился ответить, потому что на горизонте все сильнее раскрывались бутоны пожара. Река из факелов текла от скалы к скале, затягивая в свой поток все новые и новые дома, пока не добралась до моего.

Я промчался мимо Острыка, замороженно глядящего, как огонь голодным львом обглаживает соломенную крышу, и нырнул в распахнутую дверь.

У меня было всего несколько минут — и как можно решить, что достойно спасения, а что нет? На рабочей стене висели лоскуты с незаконченной трагедией. Скручивать их? Но сотни свитков в шкафу архива тоже заслуживали остаться целыми, чтобы память о людях и их историях не угасла.

Я стянул обшкур, швырнул посреди комнаты. Один за другим на него полетели свитки. От касаний к ним в памяти всплывали записанные мной строки — о мудрых вождах, о храбрых охотниках, об искателях пламени, о первооткрывателях... Я помнил каждую из этих историй.

Сверху раздался треск. Пыхающая балка, рухнув, похоронила под собой собранную кучу. Я чудом успел отскочить, но лучше бы там и сгорел, потому что смотреть, как пламя пожирает плоды всей моей жизни, оказалось хуже смерти. Дым выедал глаза, и невозможно было определить, отчего текут слезы.

Балка отрезала меня от архива, и я бросился к рабочей стене. Всем весом обрушился на штыри, вырывая их из стен. Лоскуты упали и распластались на полу, некоторые сразу угодили в пламя.

Я подхватил два первых попавшихся свитка и выпрыгнул в окно. Задние лапы тут же подкосились. Я рухнул на четвереньки, отхаркивая из легких остатки дыма. Все осталось позади. Кисти расплавились, свитки рассыпались пеплом, даже проклятый бамбуковый будильник сгинул. А я глотал чистый воздух, и он казался мне слаще меда.

— И стоило оно того? — угрюмо спросил Острыйк.

Как и Зубат, он был без обшкура. Рыжее шерстяное пламя.

Злость вскипела в венах, и я бросился на Острыйка, издав звериный рык. Вцепился зубами ему в шею и стиснул челюсти. До крови, до его истощенного воя. Он колотил меня лапой по голове, вцепился когтями в бок, но я не чувствовал. Тогда Острыйк повалился вместе со мной вперед, и от сильного удара о землю я ослабил хватку и разжал пасть. Он перекатился и, вскочив на четыре лапы, приготовился к броску.

Я последовал его примеру, изогнулся в боевой стойке. Шерсть у обоих стояла дыбом. Мы скалились, как дикие волки, уродливые и тупые, с капающей слюной и кровью на клыках.

Мой дом корчился в огне, но вместо него я видел костры шалашей, вместо своего тяжелого дыхания слышал умоляющие стоны.

Острыйк прыгнул. Не когти — а бритвы, не пасть — а смерть! Я поднырнул под его вытянутые лапы и спиной подкинул его в воздух. Он попытался извернуться, но повалился на бок и тут же оказался прижат к земле моим весом. Я вцепился лапами ему в шею и сдавил гортань, как делали воины Ирри, когда хватали убегающих женщин. Не слышал его хрипа, не обращал внимания на конвульсии. Мир застила красная пелена.

Так могло бы случиться первое убийство в общине. Но сильная лапа схватила меня за шиворот и откинула в сторону.

— Сдурел?! — вскричала Шана.

Я прокатился кубарем, пока не ткнулся спиной в забор. Снова вскочил, готовый рвать зубами нового врага, но вид стаи за Острыйком и Шаной заставил меня замереть. Испуганный взгляд на каждой второй морде, кто-то даже отвернулся.

Я осмотрел себя. Вырванные клоки шерсти, порезы... Кто этот лай?

— Я так и знал, что это бесполезно, — прохрипел Острыйк, поднявшись с помощью Шаны.

— Он чуть не убил тебя!

— И убил бы. Потому что обезьяны ему важнее. — Острык потер шею. Я хотел крикнуть, что это вранье, но осекся. — Знаешь, Лапар, ты больше подходишь на роль ребенка Ушвары, чем ее собственная дочь.

Я отвел взгляд. На вершине Материнской скалы яркой розой полыхал храм Ишу. Как так вышло, что это они целиком сожгли общину, а стыд съедал меня — единственного, кто пытался держаться нашей миссии?

Я подобрал спасенные свитки, скрутил. Один оказался чуть подпален.

— Разве вам было плохо? — тихо спросил я, обводя взглядом пеструю стаю, которую когда-то считал семьей. — Разве вы страдали? Каждое утро просыпаться с целью, каждый вечер засыпать с чувством выполненного долга. На душе мир и покой. Любой человек отдал бы что угодно за такую жизнь.

Шана тепло улыбнулась, как мать улыбается глупости несмышленного ребенка.

— Конечно, отдал бы. Он ведь никогда не знал свободы, поэтому какая разница на какой цепи сидеть? А теперь дай мне свитки.

— Зачем? — удивился я. — Ведь вы ничего уже не измените в жизни людей.

— Мы — нет. А вот ты можешь. Ты ведь ни за что не бросишь их.

Я представил Анингака, одиноко бредущего в туманной пустоте, лишённого путеводной звезды, и ком встал в горле от его растерянной походки. Как слепой, он тыкался во все стороны, и некому было его спасти. Если бы только оказаться там, рядом с ним...

«Мы — нет. А вот ты можешь».

— Стой! — крикнула Шана, но я уже несся на всех четырех лапах, зажав свитки в зубах.

На скалах не осталось ни одного безопасного клочка, и потому мой путь лежал дальше, ниже, глубже — куда я ни за что бы не ступил, будь все по-прежнему. Но оковы рассыпались, мысль сама выбирала новое русло, и мне оставалось только следовать за ней и не сопротивляться.

Через мост, к Материнской скале, оттуда мимо ошарашенных лаев до Пастушьей скалы. Бизоны поворачивали головы мне вслед, тревожно храпели лошади, чувствуя близкую опасность. Удивительно, я так легко вписывал их в истории, но ни разу не чувствовал нужды прийти сюда, чтобы хоть раз провести лапой по гладкому меху, заглянуть в их умные глаза. Весь мир до этой ночи будто бы существовал только на лоскутах.

Я остановился у обрыва, где на вбитых кольях держалась веревочная лестница, по которой изо дня в день спускались скорняки, чтобы где-то там, внизу, содрать с тела Творца лоскуты кожи. Взошедшая луна осветила бескрайнюю серую равнину, до этого скрытую туманом.

Я нащупал задней лапой деревянную ступеньку и начал долгий спуск. Ветер трепал шерсть, норовил сбросить меня в пропасть. Где-то наверху зазвучали голоса, уже еле различимые, появились огоньки факелов. Тогда я стал отвязывать лестницу от вбитых в камень штырей.

Свободную часть тут же затрепало ветром. Кто-то попытался последовать за мной, но с криком сорвался вниз...

Все должно было быть по-другому.

Последний штырь в самом низу скалы выскочил из камня, и меня швырнуло ветром в сторону. Из глотки вырвался стон, но я не смел разжать зубы. Вцепился в веревку, до крови проткнув когтями лапы. Тело словно закаменело от ужаса. Меня мотало из стороны в сторону, и все, что я мог, — держаться, дожидаясь момента, когда порывы улягутся. Момента, который никогда не наступит.

Я попытался унять дрожь, спустился на ступеньку ниже, и тут до меня донесся голос Шаны, подхваченный ветром:

— Руби!

По веревке прошла дрожь, и опора ушла из-под ног.

* * *

Никогда бы не подумал, что в теле есть столько участков, способных болеть. Стоило шевельнуться, как в голове взорвался снап искр, а грудь сковало приступом кровавого кашля, выворачивающего легкие наизнанку.

Свитки лежали совсем рядом, в небольшом углублении, освещенные мертвенно-бледной луной. Через боль и озноб я подполз к ним, впиваясь когтями в странную упругую поверхность, которую сверху принял за землю. Гладкая, она вся была усеяна небольшими лунками не больше горошины в диаметре. Углубление оказалось бороздкой — ровной, прямоугольной, аккуратно вырезанной острым ножом.

Я развернул первый свиток, подпаленный, и тут же стиснул зубы от досады. Эта история была окончена. Девушка Сира, родившая тройню, потерявшая мужа во время перехода реки, пала от клинка воина из племени Ирри.

Низкий утробный гул словно сотряс само мироздание, скалы застонали над головой, и от этого звука моя шерсть встала дыбом.

Я мигом развернул второй свиток, где меня ждала удача. На последних строчках Анингак схватился с Симой. Острык показал, что исход этой битвы окажется в пользу первого.

Кисти и тушь исчезли вместе с моим домом, и пришлось вспомнить, что историк не определяется одними лишь атрибутами. Я обломал коготь на указательном пальце и по примеру старейшины воткнул его в левое предплечье. Морщился, стонал, но все равно рвал кожу. Шерсть тут же намочила от выступившей крови. Я обмакнул палец и приступил. Размер графем не важен, важна их форма. Суть. И суть была такова, что Анингак в одночасье лишился своего племени. Рядом с ним осталась только его любимая Енга. Страх помог им сбежать, но куда идти двум никому не нужным людям, оставшимся в ночной степи? Без теплой одежды, еды и воды, с одним каменным ножом. Их судьба — потеряться и замерзнуть насмерть. При любых других обстоятельствах я воплотил бы ее на лоскуте. Умер бы внутри, но не посмел бы спорить с единым полотном.

«Мы — нет. А вот ты можешь», — эхом отозвались в памяти слова Шаны.

Но я боялся. Продолжал историю, следил за истощенными телами Анингака и Енги, пока лоскут не кончился. Коря себя за слабость, я смотрел на оборвавшуюся строчку и понимал, что продолжать больше негде.

Огляделся в смятении загнанного. Во все четыре стороны растекалась бесконечная равнина. Где же Творец? Скорняки не могли уходить далеко, иначе потерялись бы в непроглядном тумане...

Осознание пришло внезапно. То тут, то там на глаза попадались борозды, подобные той, в которой лежали свитки. Аккуратные, шириной в локоть, а длиной в несколько ростов. Чуть шире, чем лоскуты, но под размер заготовки — в самый раз. Я провел пальцами по коже Творца. Холодной и безжизненной. И если бы мое тело не ломило от боли, возможно, почувствовал бы трепет.

Я намочил палец кровью и вывел в нижнем правом углу символ переноса, как если бы собирался продолжить историю на новом лоскуте. Затем повторил этот символ на коже Творца возле колен. Кровь впиталась, потускнела.

Я не знал, сработает ли моя задумка, как не знал, хорошую ли службу сослужил Творцу, но мне было ясно: даже если из-под моей кисти не выйдет больше ни строчки, я не смогу оставить человека одного ни в коем случае. Я буду идти с ним бок о бок, потому что его история — это и моя история тоже.

Последний символ укоренился на теле Творца, и небо наполнилось грохотом. Скалы треснули, обрушились вниз, и, когда я готовился принять судьбу, звезды вдруг очутились так близко, что, казалось, я мог лизнуть их. Они заполнили все видимое пространство, превратив ночное небо в ослепительное полотно, и я позволил себе раствориться в их свете.

* * *

... Два солнца взошло с тех пор, как мы в последний раз ели. Енгу лихорадило, и я боялся, что она не вынесет еще один переход. Слова застревали в пересохшем горле, от жажды мутило рассудок, но путь к ручью был отрезан воинами Ирри. В последний раз я еле унес ноги, нырнув в воду, и при этом потерял бурдюк из желудка яка.

Кто бы мог подумать, что в людях может быть столько черной злобы? Я понимал, что закон мира прост — сильный поедает слабого, и все же мне казалось неестественным то, что они сотворили. Дождались ночи и устроили бойню, зная, что в честном бою у них нет ни единого шанса против воинов племени Ун...

Сил горевать уже не осталось. Я даже нож с трудом держал. Если на пути встретится большезубый, исход схватки будет однозначным.

Енга простонала в горячке, и от этого звука стало страшно. Я не знал, смогу ли вынести ее смерть. О ребенке старался даже не думать, хотя чувствовал, что новая жизнь уже завязалась у Енги в животе и если

позволить любимой уйти, то не будет мне прощения. Праотцы закроют для меня дорогу в верхний мир.

— Во... ды... — прохрипела Енга, и я сорвался с места, готовый сдаться на милость Ирри, лишь бы спасти ее.

Пусть моя жизнь оборвется здесь, но оборвется не напрасно!

Я вышел из-за камня, укрывшего нас ночью от степного ветра, и замер. На расстоянии нескольких шагов сидел волк. В зубах у него болтался кожаный мешок, из которого сочилась вода, а у ног лежала тушка упитанного кролика. Волк казался меньше обычного, и шерсть у него была густого серого цвета, пушистая и опрятная, — вместо привычной пятнистой и свалявшейся.

Я осторожно приблизился, останавливаясь после каждого шага. Готовился пустить в ход нож, но волк не проявлял никакой враждебности. Подставлял морду солнечным лучам и будто бы улыбался. Спокойный и уверенный. А когда я оказался рядом, он кивнул, точно приглашая меня сесть напротив, и стоило только мне принять приглашение, как в мою сторону протянулась когтистая лапа и замерла в воздухе. Я пожал ее — и в этот самый миг понял, что больше никогда не пропаду.

